

Лина **Коваль**

Лина **Коваль**

За Деньги

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Коваль, Л.

К56 За деньги : [роман] / Лина Коваль. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2027. — 320 с. — (Будешь только моим).

ISBN 978-5-17-183278-0

Злата с детства знала цену каждой копейке и привыкла рас-
считывать только на себя. Глядя на тяжёлую жизнь родителей, она
покаялась, что её будущее будет другим. Она мечтает о красивой
жизни, но панически боится потерять самое ценное — свое досто-
инство. В душе девушки непрерывная, мучительная война между
амбициями и страхом преступить черту. Но когда судьба сталки-
вает её с Амиром Хаджаевым, привычный мир Златы рушится.
Влиятельный, опасный и неприлично богатый Амир не знает слова
«нет». Он привык получать всё и сразу, и теперь его главная цель —
строптивая девушка, которая посмела бросить ему вызов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183278-0

© Л. Коваль, 2027
© ООО «ЛитРес», 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Глава первая ЗЛАТА

— Кого ты там разглядываешь, Златка? — спрашивает Ая, отворачиваясь к окну. — Опять к байеру в очередь за сумкой записываешься? Ты ведь обещала ему, что, пока не заработаешь, больше не появишься?

— Больно надо, — фыркаю, активно перелистывая снимки на экране. — Я тут одного блогера нашла. Он сейчас на весь свет гремит — Роман Березовский. Слышала?

— Березовский? Из олигархов, что ль?

— Да скажешь тоже. Рома — известный коуч и бизнес-тренер, учит зарабатывать деньги быстро и без вложений.

— Как наш Рубик?

Украдкой поглядываю на лысый затылок менеджера, вышагающий над переднем сиденьем комфортабельного минивэна.

— Нет. Наш Рубик там и рядом не стоял. Тут другое...

Вспомнив о том, куда именно мы едем, убираю свой двенадцатый айфон в новеньком чехле в небольшую сумочку и смотрю прямо перед собой.

Страшно-то как. Мамочки!..

Электронные часы над водителем показывают двадцать один ноль-ноль, это значит, у нас в Пьянкове сейчас семь вечера. Зойка, моя младшая сестра, наверняка пригнала с пастбища корову Таську и телёнка, а потом снова сбежала на остановку, где они безвылазно сидят с девчонками и парнями. Что еще делать в деревне?..

А мамка уже управилась, намыла банки с мылом и пошла по соседям с парным молоком. В среднем корова даёт шесть-семь литров за раз. Одну трёхлитровую банку мама продаёт за двести рублей. Итого восемьсот за день. В месяц — царствие не-

бесное Аделаиде Андреевне, моей учительнице алгебры — двадцать четыре тысячи.

В переводе на доллары — почти триста.

Триста долларов. На пятьдесят меньше, чем Рубик заплатит мне за сегодняшний вечер. Одна вечеринка — и маме не надо целый месяц управляться с хозяйством. Вставать в шесть утра, чтобы накормить и напоить скот, вычистить конюшню, а потом, преодолевая суставную боль в пальцах, заниматься дойкой.

Мама может не устать. Не болеть. Не унижаться.

Всего вечер, Златка!..

Сегодня в одном из закрытых клубов Дубая пройдут так называемые смотрины.

Как правило, по словам девочек, с которыми меня поселили в апартаментах, на такой встрече присутствует около десяти мужчин и двадцати-тридцати девушек. Почти все русскоговорящие, но есть и европейки, и бразильянки — им, кстати, больше платят.

Весь вечер мы должны танцевать, улыбаться и пить шампанское, а мужчины будут присматривать себе будущих содержанок. Выбрав три-четыре претендентки, каждый олигарх позвонит их для личной встречи, и уже финалистке достанется «дубайское счастье» — лучшие отели Эмиратов, люксовые шмотки, дорогостоящие автомобили и кучи-кучи бабла.

Бла-бла-бла...

Нет!.. Так далеко заходить я не собираюсь. Златочка здесь исключительно для общей массовки, за которую богатые дяди-извращенцы хорошо платят.

Всего один вечер! — повторяю про себя. И месячный запас парного молока в кармане. Без грязи, без навоза!..

Правду говорят, что Дубай — волшебное место, не так ли?..

— Выдвигаемся, девочки, — приказывает Рубен, открывая тяжёлую дверь.

В салон автомобиля проникает противная духота, которая не спадает здесь даже в ночное время.

Поправляю серебристое колющее платье, одолженное мне подругой. Терпеть не могу пайетки, но выбора особо не было, и я благодарна Айке и за платье, и за то, что еще в Москве она порекомендовала меня «туристической» компании.

— Давайте-давайте, курочки. Помним два главных правила: зёрнышки с дядями не обсуждаем и клювики свои не задираем. Те, кто будут «буками», словят штраф. Ты как, Глазастая? — обращается он ко мне, подавая руку.

— Ой, я хорошо, — озираюсь по сторонам и запрокидываю голову, чтобы посмотреть на шпиль высокой башни. Я такие только на картинках видела. В Пьянкове-то максимум трехэтажки построили.

Заглядевшись на мужчин в белых просторных кандурах*, вдруг пугаюсь.

— Вы ведь помните... Ну, про меня? — спрашиваю у Рубика.

— Что именно, Злата?

— Ну... — смущаюсь. — Я просто блогер. Ну и модель немного. Я спать за деньги ни с кем не буду.

— И девственница, — ржёт Рубен.

Чёрт.

Зря ему сказала.

— Ну да. Девственница. А что здесь плохого? Мне всего восемнадцать.

— Плохого — ничего, — лыбится Рубик. — О тебе — исключительно только хорошее, девочка моя. Не хочешь спать — не спи. Никто тебя не заставляет. У нас как на заводе — работы всем хватит.

— Спасибо, — радуюсь, понимая, насколько мне повезло.

В тишине просторного фойе эхом расходится стук каблучков по белому мрамору.

— У тебя что, трусы с мультяшными котами? — спрашивает Ая, догоняя.

— Ага, — даваю смешок. — В торговом центре сегодня увидела — сразу купила. Такие классные.

— Боже... Ты отбитая, Златка. Кто ж к толстосумам в таком приходит? Девки вообще без трусов, лишь бы, как в бейсболе, вагинами доллары поймать, а ты, Козлова, как старая дева: сокрок кошек с собой притащила.

* Мужское платье в арабских странах.

Качаю головой. Из пяти девчонок, которые живут в наших апартаментах, всего одна девственница — я.

— Да я же не буду ни с кем спать, — беру подругу под руку. — И деньги мне их не нужны. Мне своих хватит, честно заработанных.

— Ну-ну.

После длинного тёмного коридора, больше похожего на туннель, мы попадаем в огромное, залитое светом и прожекторами помещение.

— Вау! — восклицаю возбуждённо.

Вместо потолка здесь стеклянная полусфера.

— Как красиво.

— Кстати, всё хочу тебя спросить, а ты где в Москве ресницы наращиваешь? — интересуется Ая.

— Я? — Кидаю на нее короткий взгляд и снова с улыбкой смотрю на ночное небо. — Это мои.

— Твои? Офигеть загиб, Златка. А я все думаю спросить, и как-то неудобно.

— Мои, мои. — Прикладываю пальцы к глазам и безжалостно пытаюсь оторвать ресницы. — Вот, видишь, — вытягиваю ладонь перед Аей. — Ты спрашивай, Айка, если хочешь. Я тебе всегда отвечу.

Подошедший официант предлагает нам шампанское. Кошусь на бутылки, расставленные по столам с лёгкими закусками, больше напоминающими произведения искусства.

Как жаль, что я почти не знаю английского. Наш учитель Владимир Степанович, по моему мнению, и сам его не знал. Да и что мне даст название этого божественного напитка? Начнётся у меня в Москве богатая жизнь — тогда запомню.

— Чё встали, как курицы? — рычит Рубен в спину. — Вон в центр зала мои випы пожаловали. Идите, представьтесь.

Многозначительно переглянувшись, отправляемся к трем мужчинам, восседающим в мягких креслах. Подойдя к ним, неловко переминаемся с ноги на ногу.

— А я тебе говорю, Ама, эти Гольфстримы у америкосов надо брать, — произносит блондин с азартом.

— Пусть они сосут и дрочат, так и передай им, Вадик, — отвечает брюнет, явно нерусский, судя по кавказскому акценту. — Их Гольфстримы — вёдра, на которые позарятся только лохи-пакистанцы. А я не лох. Моя авиакомпания — не кладбище для консервных банок от арахисовой пасты.

Снова обмениваемся с Аей взглядами, а затем оборачиваемся к Рубику. Менеджер раздраженно шикает и качает рукой. Мол, давайте-давайте, развлеките дяденек.

— Извините, — доброжелательно улыбаюсь, делая шаг вперед. — Можно к вам присоединиться?

Главный, а он точно главный — это читается по тому, как он себя ведет и как его собеседники заглядывают ему в рот, хмурится и склоняет голову набок. С интересом осматривает Аю.

Понимающе вздыхаю. Точно кавказец, им же обычно блондинки нравятся. Затем мужчина быстро пробегается взглядом по мне и морщится, пристально рассматривая мои коленки. Такую реакцию вижу впервые, и она не очень приятна. Но еще хуже то, что брюнет с отвращением выговаривает своим друзьям, при этом глядя мне прямо в глаза:

— Вы в уме, вообще? Без потаскух нельзя было встретиться?..

Глава вторая ЗЛАТА

Потаскух?.. Он нас оскорбил!

Ему что, в рожу никто никогда за такие слова не давал?

Кожу на лице, словно от нехилой пощёчины, припекает. Флешбэками воспоминания множатся. Как оказалась здесь, наступив на горло собственной гордости.

Я с двенадцати лет жила в соцсетях. Каждого блогера знаю, каждого инфлюенсера. Переехав в июне в Москву под предлогом поступления в колледж, устроилась в фитнес-центр, отметки о котором вот уже несколько лет наблюдала у любимых блогерш. Ставка администратора сначала даже обрадовала. Семьдесят тысяч. Такие деньжищи для Пьянкова!

Но столица быстро дала по лбу. Аренда комнаты — тридцать тысяч. Карта «Тройка» на шестьдесят поездок — почти три с половиной. Сотовая связь, проводной Интернет, кредит на мою «двенашку»*... В общем, на то, что остаётся, даже на рынке не оденешься.

— А твоя напарница обдолбанная? — слышу всё тот же низкий голос.

— Я против наркотиков, — заявляю прямо. — В любом виде. Видела я, как умирают наркоманы. Сама так не хочу.

— Очень разумно для эскортницы, — усмехается главный. Мельком переглядываемся с Аей. Она, зная мой темперамент, умоляюще сверкает глазами.

— Я модель, — отвечаю я, перенося вес тела на другую ногу.

— Модель вагины и ануса? — приподнимает он брови.

Сжимаю зубы до резкой боли. Умудряюсь это сделать с прилепленной к губам улыбкой. Изучающе осматриваю оппонента. Выглядит как уголовник. Пальцы все в наколках, на шее и груди тоже синева расплескалась. На спине — ставлю сотку — купола, наверное. Сидел он, что ли?

— Ама, ты бы в зал сходил или и правда потрахался. Негативный какой-то, — произносит Вадик и обращается к нам: — Девочки, падайте.

Обойдя низкий столик, прохожу мимо брюнета и, как назло, чуть поскользываясь на гладком мраморе. Аккуратно наклонившись, поднимаю сумочку и усаживаюсь рядом с Аей.

— Вы откуда, девочки? — спрашивает Вадик, пытаюсь придвинуться ко мне.

Третий мужчина складывает руки на груди и тоже на нас смотрит. Ощущения не из приятных, потому что я чувствую себя куриной тушкой на прилавке.

— Из России, — отвечаю сдержанно.

— В России с работой плохо? Раз вы сюда подались.

— Я же сказала, я модель, — отвечаю с улыбкой, потому что Рубен как раз проходит мимо. — И я не продаюсь.

— Всё продаются, киса, — неожиданно произносит главный.

* Айфон.

Многозначительно на меня смотрит и... подмигивает. Чёрт. Видел мои весёленькие трусы, пока я наклонялась за сумкой?

— И даже вы продаёшься? — спрашиваю заворожённо.

— Конечно, — закатывает он глаза с раздражением, словно перед ним первоклассница. — Я — так вообще в первую очередь. Потому что знаю основное правило торговли.

— Торговли людьми?

— А ты думаешь, торговля людьми чем-то отличается от торговли пряниками?..

— Я не знаю, — мотаю головой.

— Важно определить, а кто, в общем-то, покупатель? И если этот человек окажется влиятельнее тебя, вопрос времени — и ты всё равно продашься. Главное, теперь не продешевить. Но и не передержать — есть риск вообще достаться ему за бесценок. Потому что власть дороже денег.

— Там, откуда я родом, принято считать, что «честь дороже денег», — возражаю я.

Вадик пьяно ржёт и больно сжимает мое колено.

— Шляуха, рассуждающая о чести. Обожаю Рубена. Где он вас находит?

— Я не шляуха, — шиплю себе под нос.

Задеваю взглядом брюнета. Ищу в нем поддержки. Так получается интуитивно, не специально. Я, конечно, ничего доброго не жду от такого, как он. Наоборот. Я его боюсь. Весь его вид излучает власть. Черная рубашка, плотно облегающая широкие плечи и подтянутый живот, тёмные брюки и закрытые кожаные туфли. Как он по такой жаре во всем черном, бедный?

— А там, откуда ты родом, — продолжает главный, — кому-то предлагали деньги за честь?

— Я не знаю...

— Вот и ответ на твой вопрос. Легко быть неподкупным, когда ты мухам на сеновале завед�ешь. Чем выше должность, тем сложнее жить по принципам. Чем выше сумма, тем меньше ты модель...

Негодующе втягиваю носом воздух и продолжаю улыбаться. Как Джокер, ей-богу.

— Ты правда понимаешь, о чем он говорит? — простодушно шепчет на ухо Ая.

Кивнув, делаю еще один глоток охлаждённого шампанского. С каждым новым собеседник становится всё интереснее.

Мужчины опять ведут разговор между собой. Я же смотрю на эту троицу как на инопланетян. Бизнес-джеты, лизинг, чартеры — эти слова вдруг вылетели из мамкиных сканвордов и встроились в предложения.

— Как тебя зовут? — отвлекается главный от разговора.

— Меня? — переспрашиваю я. — Злата, — шепчу с дрожью в голосе.

— Хочешь, я сделаю так, что сегодня уйду отсюда с тобой?..

Глава третья ЗЛАТА

Когда Ая, с которой я познакомилась в московском фитнес-клубе, предложила мне поездку в «эскорт-тур», я сразу отказалась.

— Я не проститутка, — гордо произнесла я.

— Эй, я тоже. Сравнила, блин. Проститутки в России на трассе стоят, а эскортница — это другое.

— И что же?

— Там ведь можно и не спать, Злата. Шейхи и иранцы хорошо платят просто за ужин.

— Они импотенты?

— Нет.

— Фуд-фетишисты?

— Нет.

— Одинокие люди?

— Да нет, блин.

— Тогда зачем им со мной ужинать и платить за это?

— Потому что ты красивая, а они любят эстетику.

— Не понимаю...

Слова Аи подтвердили еще несколько девочек-блогерш, с которыми мы подружились. Но решающим толчком к тому, чтобы здесь оказаться, было другое.

Вадик и третий мужик вскоре уходят.

Молча наблюдаю, как главный поднимается из кожаного кресла, лениво разминает шею и поправляет блестящую пряжку на ремне. Живот над ним такой ровный, что кажется, под рубашкой этот тип картонку прячет. Слежу за тем, как мужчина прямой походкой направляется к Рубену.

Я в свои восемнадцать мало что понимаю в крепких мужских задницах, но конкретно эта мне плюс-минус нравится. Терпеть не могу толстозадых парней. У них обычно покатые узкие плечи и куча сомнений.

Правда, у татуированного тоже последнего хоть ложкой черпай.

Опускаю взгляд.

После сегодняшнего вечера я определённо возненавижу улыбаться. Если думаете, что это легко, попробуйте два часа не опускать уголки губ.

— Может, передумаешь? — шепчет Ая. — Это же Амир Хаджаев.

Амир Хаджаев. Перекаत्याю имя на языке. Звучит вкусно.

— Зачем тебе твоя девственность? — продолжает моя искусительница. — Когда-то всё равно придётся с кем-нибудь ее потерять. Лучше уж с этим, чем в деревне твоей с каким-нибудь Василием.

Отчаянно мотаю головой.

— Подумай хорошо, Златик. За ночь платят не меньше трёшки.

Округляю глаза. Три тысячи баксов.

Три тысячи баксов...

Ничего себе! Боюсь высчитывать эту цистерну с Таськиным молоком. Правда. Но, блин... Не могу даже представить себя в постели с этим кавказским громилой. А еще не знаю, как описать чувства, шилом вспарывающие душу. Мне страшно находиться с Амиром в одном помещении и одновременно с этим... не хочется никуда бежать. Перманентное желание бояться, перечить ему и тут же подчиняться — вот что я испытываю, когда вижу перед собой господина Хаджаева.

— У него своя авиакомпания. «Бизнес-Авиация» называется. Он мегакрутой мужик и щедрый, — шепчет Ая. — Девоч-

ки в мою прошлую поездку рассказывали, даже самолетами сам умеет управлять...

Закусываю губу, хоть немного расслабляясь, потому что Рубик, общаясь с Хаджаевым, отворачивается и потирает блестящую лысину.

— Тогда тем более нет, Ай, — вздыхаю я.

— Это почему же?

Снова улыбаюсь.

— Потому что «первым делом самолёты, ну а девушки... А девушки потом», — напеваю весело.

Сталкиваемся с Айкой взглядами и одновременно прыскаем от смеха. Заслонив губы ладонью, замечаю, как Хаджаев стремительно возвращается в центр зала. При этом на меня не смотрит.

— Ну что? — бойко спрашиваю я, чувствуя внутри бурлящее веселье с привкусом элитного шампанского. — Убедились?

Амир забирает со стола свой стакан и залпом выпивает остатки янтарного виски, оставляя там только лёд.

— В чем убедился? — холодно спрашивает он, хватая с кресла чёрный пиджак.

Чёрный. Пиджак...

В Дубае.

Летом.

И кожаные туфли, напомню... М-да.

— В том, что я не продаюсь? — запрокидываю голову, чтобы разглядеть серьезное лицо поближе.

Амир протягивает руку и с ироничной улыбкой легонько щиплет мой подбородок.

— Я передумал. Прости, киса. Сегодня без тебя.

— Передумали?

— Ну да... Не расстраивайся.

Понимаю, что с помощью его уничижительного тона я, словно безмозглая рыба, заглатываю наживку, но всё равно спрашиваю:

— Почему передумали?

Веселья вдруг становится в разы меньше. Девочки, порхающие вокруг мужчин разноцветными бабочками, кажутся и

в самом деле шлюхами. А я?.. Натянув пиджак, Хаджаев извлекает из внутреннего кармана айфон и задумчиво водит по экрану пальцем.

— У тебя коленки костлявые, — выдаёт он со смешком, надевая на нос чёрные очки-авиаторы.

Перевожу взгляд на притихшую Аю, но она просто молчит, попивая шампанское. Он так унижить меня хочет?

— Шучу. Девственницы сегодня не интересуют. В следующий раз, котёнок. Ты занятная. А ты, — щелкает пальцами и указывает на Аю, — поедешь со мной.

— Конечно, — вскакивает подруга с места, трясёт белоснежными волосами и, не взглянув на меня, виляя худыми бедрами, отправляется за ним на выход.

Глава четвёртая ЗЛАТА

Проснувшись пораньше, складываю в рюкзак единственный купальник и достаю из записочки, состоящей из трёхсот пятидесяти долларов, заработанных вчера, необходимые пятьдесят.

Натягиваю плиссированную длинную юбку жемчужного цвета и белую хлопковую футболку. Волосы не расплетая.

В наших апартаментах, расположенных в одном из отдалённых районов Дубая, три комнаты. Больше всех повезло двадцатилетней Ире — она живёт одна. Мы соседствуем с Аей. Довольно дружно, кстати. А вот Индира с Каткой всё время собачатся.

Пока пью молоко и ем печенье, прислушиваюсь. В квартире тишина. Ая еще не вернулась от Хаджаева. Ира на постоянку встречается с богатым иранцем, который в нее настолько влюбился, что крайне редко отпускает сюда, к нам. Остальные, наоборот, спят.

На мысочках добираюсь до прихожей и надеваю босоножки.

Пока иду по коридору к лестнице, из одной квартиры доносятся отчётливые шлепки и женский стон. Морщусь от отвра-